

● СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Сегодня известному советскому поэту, лауреату Государственных премий СССР и РСФСР, народному поэту Калмыцкой АССР Давиду Никитичу Кугультинову исполняется 60 лет. Родина высоко оценила заслуги поэта — он награжден орденом Ленина.

«Ваш редкий дар творческой деятельности в двух стихиях речевого искусства в языке калмыков и языке русских — как бы символизирует собою родство народов на советских землях», — сказал о творчестве Давида Кугультинова Герой Социалистического Труда Константин Федин.

На рабочем столе поэта новые стихи, посвященные памяти Мусы Джалиля. Кончатся они словами:

Кто правдою живет —
Бессмертен будет тот!

Давид КУГУЛЬТИНОВ:

«НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОСОХОМ ЧУЖАЯ СОВЕСТЬ»

— Давид Никитич, вы часто обращаетесь к образу Мусы Джалиля. Очевидно, для того есть свои причины?

— Вы правы. Этот легендарный человек, его жизнь удивительно близки мне, и это не могло не отразиться в моих стихах. Дело в том, что меня волновала и волнует тема единства слова и поступка человека, в том числе, конечно, и писателя. История литературы назовет нам немало имен таких людей — Байрон, Шевченко, Лорка... В этом ряду стоит и имя Мусы Джалиля. Но, конечно, мой интерес к его личности так пристален еще и потому, что многое в наших судьбах схоже. Мы оба — участники Великой Отечественной войны, оба представляем в литературе ее национальные течения. Джалиль и сегодня рядом с нами. И, может быть, именно это делает его фигуру столь живой и, я бы сказал, важной для нас. И вот почему.

Мы с вами живем во внешне спокойные времена. Ничто, кажется, не заставляет сейчас человека повседневно проявлять какие-то особые качества, совершать особые поступки высшего морального, духовного порядка. И, хочешь не хочешь, это порой приводит к некоей нравственной лени, больше того, глухоте. Как часто за самими высокими словами вдруг видишь пустоту, какое-то окаменевшее спокойствие.

Не подумайте, что я ратую за какую-то грандиозную проверку человеческих качеств, просто мне хотелось бы, чтобы мы точнее и острее ощущали в себе эти высокие качества, ощущали и жили бы в соответствии с ними. И здесь такие люди, как Джалиль, их судьбы, их жизненные примеры служат по-настоящему неопечному службю человечеству.

— Но и наша, по вашему выражению, спокойная жизнь ежедневно и ежечасно ставит людей перед выбором между правдой и ложью, между добром и злом, пусть этот выбор и внешне неприметен. И, что греха таить, кое-кто пытается искать «компромисс», оправдывая это разного рода обстоятельствами. Как вы к этому относитесь?

— Здесь не может быть места компромиссам. Духовные, нравственные ценности вырабатывались и проверялись человечеством в течение тысячелетий — едва ли мы найдем на земле слова древнее слов «добро» и «зло», «милосердие» и «жестокость». Более того, понятия эти наполнялись и уточнялись с каждым поколением. Их неизбежность, вечность не просто достались нам в наследство — наше общество может и должно довести их до особой чистоты и, мало того, сделать высокую нравственность непрерывной частью всей нашей жизни.

Вспоминаю, как поразительно внимателен и чуток к людям был мой друг Константин Михайлович Симонов. Я не стану здесь приводить примеры его поистине подвижнической деятельности по отношению к ветеранам войны, просто к людям, попавшим в беду. Скажу лишь, что все его отношения с людьми всегда складывались на основе самого пристального интереса к ним. Хочу рассказать о Константине Михайловиче один малоизвестный эпизод.

Несколько лет назад вместе с Симоновым мы были в составе советской делегации на симпозиуме солидарности писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. Там было множество зарубежных гостей. Приехал и известный гангский писатель и общественный деятель

Жан Бриер. И вот в один из дней ко мне подходит Симонов и говорит: «Послушайте, Давид, давайте-ка завтра пропустим заседание, но зато с толком проведем день. Есть одно дело». Назавтра несколько наших коллег, мы с Симоновым и Жан Бриер отправились в окрестности Ташкента. Я решил, что речь идет об обычном пикнике, и не понимал — о каком «деле» говорил Симонов. И вдруг Константин Михайлович поднимает бокал за 60-летие Жана Бриера. Видели бы вы, какое удивление и радость вызвал он у юбиляра. Внимание, взаимная расположенность человека к человеку, добросердечие и помощь — все эти слова, звучащие в официальных речах с трибуны, вдруг в одно мгновение материализовались в поступке моего незабываемого друга.

Вот так бы и жить нам всем, не ссылаясь на «объективные» обстоятельства. Я не верю, что могут существовать такие обстоятельства, в которых человек может не быть человеком. Мы с вами очень хорошо усвоили, что можно, но очень плохо — что нельзя. Как существуют кибернетические машины, знающие два ответа — «да» и «нет», так и в человеческой жизни два эти слова «можно» и «нельзя» должны определять все поступки.

— А не слишком ли это категорично — можно и нельзя?

— Отчего же? Ведь я не предлагаю людям: направо запишем, что можно, налево — что нельзя, и будем ежесекундно сверяться со списком. Этот список — он внутри каждого из нас, нет нужды листать его в поисках подсказки. А основа — все та же — внимание к окружающим, к людям. Ведь мы живем в обществе и живы только благодаря ему, и только

благодаря ему можем осуществиться.

В этом смысле поразительно впечатление произвел на меня наш выдающийся ученый академик В. П. Глушко. Он общается с удивительным вниманием к собеседнику. Причем это какое-то внутреннее стремление к единству с людьми, стремление понять их до самой глубины души. Глядя на него, я подумал как-то: а не в этом ли суть его открытий? Мысль его словно приходит к нему от всех, от каждого, с кем он говорил, хотя бы слово, собираясь как бы по частичкам воедино, чтобы, сфокусировавшись, обрести новую форму.

— Давид Никитич, широко известны заявления ученых о том, что в недалеком будущем появится машина, которая будет обладать едва ли не всеми человеческими ощущениями, мыслями, повторяя механизмы человеческого мышления...

— На мой взгляд, это не предмет для серьезного разговора. Ну скажите, какая программа может вложить в машину, пусть самую совершенную, такие категории, как благородство, порядочность, совесть? Разве можно научить машину стыдиться?

Махатма Ганди когда-то сказал, что не может быть никаких обстоятельств, которые бы дали человеку посохом чужую совесть, позволив забыть о своей. Вот наличие этих нравственных начал и делает человека человеком.

Мне иногда кажется, что, когда наполнялась оболочка слова «жизнь», она наполнялась светом. Индийский поэт Шанти Дев написал поэму «Путь восхождения к свету». И свет там — это разум человека. Совсем недавно я встречался с министром здравоохранения СССР Сергеем Петровичем Буренковым. Когда-то мы были с ним в одной дивизии на фронте. В эту встречу он говорил о том, каких высот достигла сегодня наша медицина. И это тоже явление света. Вспомните, последним словом великого Гете было «Свет!».

И сегодня, на пороге 60-летия образования СССР, я вижу огромный поток весеннего света в жизни нашей страны, своего маленького калмыцкого народа.

В прошлом году в Элисте прошла научная конференция по проблемам развития республики, использования ее недр. В частности, выступал на ней с докладом дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР А. В. Филиппенко. Он рассказал об исследованиях калмыцких степей, проводившихся с борта космических кораблей. Космонавты отчетливо увидели не только ландшафт наших степей, нашей земли, но лучше узнали ее возможности, ее силу, чем мы, веками живущие на ней. Разве не поразительно это?

Но ведь они — там, в безвоздушном пространстве, — это наши руки, наши глаза, поднимаемые в космос, они — это наше время.

Беседу вел
К. СМЕРНОВ.
(Наш спец. корр.).